СТИВЕН БАКСТЕР

РУБЕЖ

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

УНИЧТОЖЕНИЯ

Рубеж уничтожения
Стивен М. Бакстер

Аннотация
Стивен Бакстер. Рубеж уничтожения
1
2
3

Аннотация

Дакк и Тарко с Базы 592 стали первыми, кто увидел «Факел» — живой боевой корабль огромных размеров, вернувшийся с войны будущего. Командовала этим кораблем капитан Дакк — то есть она же, но на 24 года старше.

Стивен Бакстер
Рубеж уничтожения

1

Нас не предупреждали о том, что раненый сплин-корабль вернется в родное пространство. Если это вообще можно назвать возвращением. Но это было еще до того, как я поняла, что каждый сверхсветовой корабль является заодно и машиной времени. Мне еще предстояло разгадать эту загадку. А пока приходилось выполнять свои обязанности. Случилось так, что в то время мы находились в пространстве, гоняя «Кард» после переоборудования и замены экипажа. «Кард» представляет собой корвет — небольшую и верткую яхту, предназначенную для полетов на близких к субсветовым скоростях. Нам предстояло выполнить достаточно сложную последовательность включений маршевых двигателей, экстренных разворотов, полного торможения, инструментальных проверок, систем противопожарной безопасности и ремонта.

Мне тогда только что исполнилось двадцать лет, и на эту прогулку меня в чине энсина[6] прикомандировали к старшему помощнику Барасу. Первый раз в жизни попасть на мостик — дело

волнующее. И я была рада, что компанию мне составляет Тарко, отпрыск кадрового офицера, пусть этот парень и был наделен внушительным животом.

Как бы то ни было, именно благодаря нашему случайному появлению на мостике мы с Тарко оказались среди первых, кто заметил вывалившийся из гиперпространства поврежденный военный корабль. Естественно, он принадлежал к типу сплин-кораблей, то есть судов живых и похожих на внушительных размеров мясистое глазное яблоко. Возник он из ниоткуда. И мы оказались достаточно близко, чтобы различить врезанный в его плоть зеленый тетраэдр — знак свободного человечества. Однако не заметить руины на месте артиллерийских установок и огромную брешь в корпусе, покрытую запекшейся кровью, было невозможно. Корабль окружал рой небольших огоньков, похожих на спасательные капсулы.

Все, кто находился на мостике, сразу притихли.

— О, Лета, река забвения, — прошептал Тарко. — Откуда он взялся?

Никаких военных походов в то время вроде бы не предпринималось.

Однако нам не предоставили времени на обсуждение.

Во всех помещениях корвета прозвучал голос капитана Яны:

— Перед нами «Факел». Корабль просит о помощи. Ситуацию вы видите сами. Всем занять штатные посты.

И он начал отдавать отрывистые приказы главным специалистам.

Мы подтянулись. Но на круглой, как луна, физиономии Тарко появилось еще не знакомое мне выражение.

— Что не так?

— Я уже слышал это название — «Факел». Корабль должен появиться на 592-й в будущем году.

— Значит, он опередил график.

Он посмотрел на меня.

— Ты ничего не поняла, уродина. Я видел декларацию. «Факел» — это новорожденный сплин-корабль. Он еще даже не покидал Землю.

Однако поврежденному судну было, по меньшей мере, несколько десятков лет.

— Ты ошибся. Сам не красавец.

Он не отреагировал. А меня впервые посетило дурное предчувствие.

«Кард» отошел от операционной позиции, и передо мной открылся превосходный вид на Базу 592 — планету, на которой мы располагались. Прекрасное зрелище, если смотреть из космоса: неторопливо вращающаяся сфера из черных вулканических пород, припудренная россыпью серебристо-серых корабельных ангаров, настолько огромных, что иные казались подобием кратеров. Голубые блики отражались от искусственных океанов, сооруженных для купания сплин-кораблей.

База 592 занимала чрезвычайно важное стратегическое положение на краю Спирального рукава, окружающего ядро нашей Галактики, в котором засели ксилиты. Сюда, на десять тысяч световых лет от Земли, докатилась волна Третьей Экспансии человечества, но глубже к ядру нам продвинуться не удалось. База 592 считалась веселым местечком. Мы находились на линии фронта и знали об этом. Посему на базе царило, как сказал бы сторонний наблюдатель, лихорадочное оживление.

Я уже видела корабли, поднимающиеся со всей планеты на помощь поврежденному судну. Великолепное зрелище согревало душу благородством чувств — человечество проявляло свои лучшие

качества.

«Кард» жужжал, как подобает хорошо отлаженной машине. Экипаж, рассеянный по всему кораблю; офицеры и артиллеристы, повара, инженеры и сотрудники вспомогательных служб, опытные члены экипажа и едва обученные новобранцы готовились извлекать уцелевших в походе в недра великой пустоты, попытавшейся убить их. Такое нам предстояло дело. И я принялась обдумывать собственную роль.

Вот почему я без особой радости услышала за своей спиной негромкий голос комиссара Варсина.

— Энсин, ваша фамилия Дакк? У меня есть для вас особое поручение. Пойдемте со мной.

Высокий и тощий Варсин служил на корвете комиссаром, каковая должность присутствовала в штатном расписании всякого корабля с экипажем более сотни человек. Выражение его лица, холодного и расчетливого, я понять не могла.

Комиссаров опасается всякий, однако я совершенно не намеревалась попасть в такую минуту на утомительную и долгую работу.

— Я подчиняюсь непосредственно помощнику капитана, сэр.

На лице Бараса оставалось нейтральное вы-

ражение. Трения между Военным Флотом и Комиссариатом восходили к древним временам, однако я заранее знала, что услышу от Бараса следующие слова:

— Исполняйте, энсин. Ступайте и вы, Тарко.

Короче говоря, пришлось подчиниться. Мы поспешили за комиссаром.

В отличие от просторного и тихого мостика, коридоры «Карда» наполняли шум и движение, люди носились во всех направлениях, тащили с собой оборудование, выкрикивали приказы.

Труся рысцой, я шепнула Тарко:

— Интересно, откуда они? Звезда SS 433?

— Нет, — возразил Тарко. — Разве ты не помнишь? Возле SS 433 у нас не было потерь.

Он был прав. Звезда SS 433, находящаяся в нескольких сотнях световых лет от Базы 592, обращается вокруг массивной нейтронной звезды, испуская при этом горячие струи тяжелых элементов. Месяц назад туда нагрянули ксилиты, попытавшиеся разрушить земные обогатительные заводы. Однако благодаря уверенным действиям Комиссариата Исторической Правды их встретил сокрушительный отпор. Событие приобрело известность, стало причиной праздника.

И поводом для размышлений. Иногда Комиссариат настолько точно угадывал будущие события, что можно было подумать: у них есть лазутчики среди ксилитов.

Человечество уже контролировало примерно четверть Галактики, центром великой империи оставалось Солнце, ей принадлежали и некоторые территории в звездных скоплениях галактического ореола. Ксилитам принадлежало все остальное, включая галактический центр.

С течением времени поначалу вялая война между людьми и ксилитами разгоралась все ярче. И меня радовало то, что комиссары находятся на моей стороне.

Спустившись на пару палуб, мы оказались в главном грузовом трюме корвета. В огромном портале ворот виднелась стена обожженной и изувеченной плоти. Воняло жутко, а на сверкающем полу уже собирались лужицы желто-зеленого гноя.

Это был корпус «Факела». «Кард» аккуратно пришвартовался к «Факелу», и мы получили первые результаты.

Деловитые инженеры прорезали отверстие в этой стене. То есть отверстие в плоти, новую рану. За ним виднелся коридор, скорее, похожий

на горло. По туннелю передвигались фигуры — должно быть, экипаж «Факела» выбирался наружу.

Двое из них поддерживали между собой третьего. Матросы с «Карда» бросились вперед, чтобы подхватить калеку. Трудно было даже понять, мужчина это или женщина, настолько кошмарными были полученные ожоги. С рук, превратившихся в подобия сучьев, свисали лохмотья плоти, из-под которых кое-где выглядывали обуглившиеся кости.

Мы с Тарко не могли смотреть на эту сцену без дурноты. Однако раненого немедленно закутали в медплащ, мягкий, словно ласка любовника.

Я поглядела на комиссара, который терпеливо ждал рядом с нами.

— Сэр? Не можете ли вы сказать, зачем мы понадобились?

— Мы приняли идентосигналы с «Факела» в момент его выхода из гиперпространства. Кое-кто хочет встретиться с вами.

— Сэр, но кто…

— Лучше, если вы, энсин, увидите все собственными глазами.

Один из членов экипажа «Факела» направлялся к нам. Это была женщина примерно моего

роста в покрытом пятнами крови обожженном и разорванном комбинезоне; она хромала, рана в ее бедре едва ли не дымилась. На воротнике — капитанские знаки отличия.

Ее лицо — прямой нос и небольшой подбородок — было мне знакомо, невзирая на то, что щека и шея этой особы были испачканы сажей, а на лбу красовалась подсохшая огромная ссадина. Длинные волосы ее были связаны на затылке конским хвостом — в отличие от моей положенной по уставу короткой стрижки. Однако (это было мое первое впечатление) лицо ее казалось странным образом искаженным: зеркальным отражением того, к которому я привыкла.

Я немедленно ощутила какую-то неловкость.

Среди моих знакомых капитанов немного, они же видели тысячи человек, но она сразу узнала меня.

— А, это ты.

Тарко вдруг напрягся. Он просчитал ситуацию чуть дальше, чем я.

— Комиссар, а в каком сражении и где участвовал «Факел»?

— Он вернулся из Дымки.

Челюсть моя отвисла. Каждый моряк на Базе 592 знал, что Дымкой называется межзвездное

облако пыли, служившее местом основной концентрации ксилитов и располагавшееся внутри Спирального рукава в доброй сотне световых лет по направлению к центру Галактики. Я сказала:

— Вот уж не думала, что мы наносим врагу столь глубокие удары.

— Вы правы. Мы их еще не наносим.

— Кроме того, — голос Тарко дрогнул, — мы встречаем поврежденный в бою корабль, который еще не стартовал с Земли.

— Вы правы, — согласился Варсин. — Энсины, вам оказали честь, предоставив возможность увидеть это. Находящийся перед вами корабль участвовал в битве, которая состоится только через двадцать четыре года.

Тарко охнул.

Что касается меня — я не могла отвести глаз от капитана «Факела». Волнуясь, она водила большим пальцем по щеке.

— Это моя привычка, — тупо сказала я.

— О, Лета, — в голосе ее прозвучало недовольство. — Да. Я — это ты, только старше. Привыкай. А у меня еще есть дела.

Многозначительно глянув на комиссара, она повернулась и похромала к своему кораблю.

Варсин негромко проговорил:

— Идите за ней.

— Сэр…

— Исполняйте, энсин.

Тарко последовал за мной.

— Итак, уродиной ты останешься даже через двадцать четыре года.

И я с горечью подумала, что он прав.

Мы втиснулись в узкий коридор.

Мне еще не приходилось наличном опыте сталкиваться с произведениями сплин-органической технологии. Мы действительно оказались внутри огромного тела. Стенки прохода покрывала сырая плоть, значительная часть которой была обожжена и исковеркана даже под корабельной эпидермой. Каждый раз, когда я прикасалась к стенке, руки мои прилипали к ней, а на комбинезон все капала какая-то солоноватая жижа. Поле тяготения было неровным, и я заподозрила, что его подают от инерциальных генераторов «Карда».

Но все это было еще ничего.

По сравнению с капитаном Дакк… О, Лета!

Она глянула на меня.

— Энсин, прекратите пялиться. Уже в ближайшее время жизнь осложнится для нас обеих. Как всегда бывает в подобных ситуациях. Привыкай

— по столовой ложке.

— Капитан…

Она сердито глянула на меня.

— Не расспрашивай.

— Слушаюсь.

— И запомни: мне эта ситуация нравится не больше, чем тебе.

Мы приблизились к рядам завернутых в плащи раненых. Люди с «Карда» торопились доставить их на корабль. Однако коридор оказался слишком узок, и в нем образовалась настоящая пробка. Ситуацию можно было бы назвать комичной, если бы не стоны и крики, если бы не окружавшая нас атмосфера боли и отчаяния.

Дакк отыскала офицера, одетого в мундир ремонтной службы.

— Кэди, во имя Леты, объясни мне, что здесь творится?

— Дело в коридорах. Они сделались слишком неровными, чтобы вывезти раненых на тележках. Поэтому нам приходится делать это вручную. — Лицо его стало расстроенным. — Капитан, ответственность лежит на мне.

— Ты поступил правильно, — мрачно сказала она. — Может быть, нам удастся как-то прибрать… Эй, вы, — она сверкнула глазами на

нас. — Займите место в цепочке.

Потом она отправилась в глубь своего корабля и на время исчезла из виду. Дакк быстро организовала цепочку из экипажей «Факела» и «Карда». И скоро мы начали передавать укрытых плащами раненых из рук в руки — по коридору и далее в грузовой отсек «Карда».

— Потрясающая картина, — промолвил Тарко. — За ближайшую четверть столетия тебе суждено обрести мозги.

— Чего встали!

Огрызнулись соседи по цепочке. Мы с Тарко засмотрелись на одного из раненых, в полном сознании оглядывавшегося вокруг, — мальчишку лет шестнадцати или семнадцати.

Если глаза не обманывали меня, в моем сегменте времени он еще не родился.

Он спросил нас:

— Вы с «Карда»?

— Ага.

Он начал было благодарить нас, но я отмахнулась.

— Скажи, что с вами произошло?

Тарко осторожно шепнул мне:

— Эй, разве ты не слышала о временных парадоксах? Клянусь, что у Комиссариата найдется

несколько правил на этот счет.

Я пожала плечами.

— Мне только что пришлось повстречаться с собой. Что может быть хуже этого?

Но раненый или не знал, что мы явились из его прошлого, или ему было все равно. Отрывистыми фразами он рассказал нам, что «Факел» участвовал в крупном сражении внутри Дымки. И как стрелок он все отлично видел из башни своего звездолома.

— Мы обретались возле Сахарной Головы. Видали хотя бы одну? Это крупная и укрепленная боевая позиция ксилитов. Но ночных истребителей там роилась тьма. Нам крепко врезали. И пришел приказ отступить. А эта проклятая Сахарная Голова была уже совсем рядом — хоть рукой трогай. И капитан Дакк не выполнила приказ об отступлении.

Тарко недоверчиво сказал:

— Чтобы она-то не выполнила приказ?

— Мы пересекли рубеж уничтожения. Отступление обмануло ксилитов, и «Факел» прорвался сквозь их ряды. — Рубеж уничтожения — на самом деле это такой пространственный допуск, тактическая граница, разделяющая два сектора в космосе, в данном случае между спорной

территорией внутри Дымки и контролируемым ксилитами пространством. — Мы продержались только несколько минут. Но успели выпустить «Рассвет».

— Что-что? — переспросил Тарко.

Я пнула его, и он заткнулся.

Парнишка неожиданно схватил меня за руку.

— Мы едва добрались домой. Но, клянусь Летой, когда мы увидели, что «Рассвет» попал в цель, эта старая щука едва не развалилась на части от наших воплей — при той-то трепке, которую мы получали.

Тарко ехидно поинтересовался:

— А как ты относишься к капитану Дакк?

— О, она настоящий вожак! Я последую за ней куда угодно.

Я ощутила только неловкость. Никаких героев — вещало Учение Друза, излагавшее суть объединявшей человечество в течение пятнадцати тысячелетий веры, которую ежедневно вдалбливали в наши мозги комиссары на своих обязательных ориентировках. И если мое будущее «я» позабыло об этом, значит, что-то шло совсем не так…

Однако теперь стрелок уже внимательно рассматривал меня. Осознав, что рефлекторно вожу

по щеке большим пальцем, я уронила руку и отвернулась.

Передо мной стояла капитан Дакк.

— Пора бы уже и привыкнуть.

— Не хочу, — буркнула я. Ситуация совершенно перестала мне нравиться.

Дакк расхохоталась.

— Едва ли то, чего мы с тобой хотим, энсин, имеет значение.

Я шепнула Тарко:

— О, Лета. Неужели я настолько важничаю?

— Ну да.

Дакк сказала:

— Кажется, я уже все здесь организовала. Вернусь потом, когда сумею заняться ремонтом. А пока нас вызывают к вашему капитану. Нас обеих.

Тарко спросил неуверенно:

— Капитан… а что такое «Рассвет»?

Она удивилась:

— Ах да. У вас их еще нет. «Рассвет» — это торпеда, пилотируемая человеком. Камикадзе.

Она посмотрела на меня.

— Значит, ты слышала о том, что произошло в Дымке.

— Самую малость.

Она потрепала меня по щеке, впервые прикоснувшись ко мне. Ощущение оказалось странно привычным — ну, словно это сделала сестра.

— В свое время узнаешь. Славное было дело.

Когда все закончилось, Дакк провела нас на офицерскую палубу «Карда». Нас встретил комиссар Варсин.

Перегородки здесь уже убрали, превратив помещение в госпиталь. Его заполняли раненые, находившиеся на самых разных стадиях выздоровления. Некоторые, бессильно распростертые на койках, смотрели в потолок пустыми глазами. Многие просили обслуживающий персонал помочь им вернуться на борт «Факела» — тот, кто в прифронтовой зоне потеряет свой корабль, может до конца жизни более не встретиться с ним. Некоторые самым трогательным образом расспрашивали о состоянии «Факела». Живой корабль был им действительно дорог: потрепанный в боях корпус составлял единое целое с экипажем.

И едва ли не все они — и мужчины, и женщины — носили длинные волосы, собранные в конский хвост, явно подражая своему капитану.

Заметив Дакк, они разразились приветственными криками. Ходячие столпились вокруг нее.

Прикованные к постели поворачивали головы на подушках. Глаза Дакк, как я заметила, увлажнились, и при всей улыбке в шестьдесят четыре зуба она явно готова была разреветься.

Среди врачей я заметила бритоголовую персону в просторном одеянии комиссара. Переходя от пациента к пациенту, она колола их иглой. Но не потому, что эта женщина их лечила. Она брала у них кровь и помещала образцы в специальную сумку.

Время показалось мне явно не подходящим для анализов, и я шагнула вперед, подчиняясь естественному порыву. К счастью, Тарко остановил меня.

Комиссар Варсин сухо заметил:

— Насколько я понимаю, вы, энсин, сохраните свою порывистость до зрелых лет. Ординарец исполняет свои обязанности. Хотя для нее они столь же неприятны, как и для вас. Видите ли — комиссары тоже люди.

— Тогда что же…

— Перед вступлением в бой каждому из членов экипажа впрыскивают мнемоническую жидкость. Нам нужно взять ее образцы от каждого человека. Чем больше точек зрения на происшедшее удастся получить, тем лучше мы сможем

подготовиться к этому событию. Кроме того, мы проанализируем все корабельные базы данных и журналы.

Если угодно, считайте, что я лишена воображения. Но я все-таки еще не понимала, какая невероятная цепь обстоятельств привела меня к знакомству с самой собой. И все же я впервые сумела сообразить, насколько могучее оружие попало в наши руки.

— О, Лета, — сказала я. — Так вот каким образом нам удается выигрывать сражения. Если вы заранее знаете ход будущих баталий…

— Вам предстоит еще во многом разобраться, энсин, — проговорил Варсин более любезно. — Но давайте не будем забегать вперед.

Что могла посоветовать себе и я сама.

Наконец — к моему облегчению — нам удалось оторвать Дакк от ее экипажа. Варсин повел нас далее по коридорам в бархатную кают-компанию капитана Яны.

Мы с Тарко остановились посреди ковра, осознав, насколько перепачкана наша одежда, опасаясь замарать мебель Яны. Однако Варсин указал нам на кресла, и мы неловко присели.

Я посмотрела на Дакк. Она распростерлась в огромном кресле, позволив себе расслабиться

вдали от экипажа. Она была мной. Лицо это было с детства знакомо мне по отражению в зеркале.

Я была в смятении. Мысль о том, что я сделаюсь такой старой, надменной и своенравной, была мне противна. Однако многое в Дакк — сила, умение командовать, добиться привязанности экипажа — восхищало меня. Частью своего существа я хотела помочь ей. Другая же часть советовала не приближаться к этой особе.

Впрочем, в первую очередь, я ощущала ту связь, что соединяла нас, связь куда более прочную, чем между двумя сестрами. Нравится она мне или нет, было совершенно неважно; когда-нибудь я сделаюсь ею. Мысль эта не вселяла в мою душу особого уюта.

Варсин пристально посмотрел на меня. И я поняла, что он прекрасно понимает мои чувства. Однако же он приступил к делу, сложив перед собой руки.

— Итак, мы пытаемся сейчас загрузить данные, чтобы сколько-нибудь разумно истолковать то, что произошло там — вниз по течению.

«Вниз по течению» — сколько же слов профессионального жаргона мне еще предстоит усвоить.

— Вас ждут новые сюрпризы, энсин Дакк.

Нервно рассмеявшись, я указала рукой на капитана Дакк:

— После этого? Валяйте, готова слушать.

На лице Дакк появилось недовольное выражение. Тарко умиротворяющим жестом опустил руку на мою спину.

Варсин проговорил:

— Сначала вы — точнее, капитан Дакк — предстанете перед судом. Предстоит провести расследование.

— Перед судом? По какому же обвинению?

Варсин пожал плечами.

— Превышение полномочий, безрассудный риск. — Он посмотрел на Дакк. — Предполагаю, что будут и другие пункты, в соответствии с нарушениями правила Учения Друза.

Дакк холодно улыбнулась. И я подумала, что и представить себе не могу, каким это образом мне удастся сделаться настолько циничной.

Варсин продолжил:

— Энсин, вы будете иметь непосредственное отношение к делу.

Я кивнула:

— Естественно. В будущем.

— Вы не поняли меня. Непосредственное отношение. Мы хотим, чтобы вы выступили в

качестве обвинителя.

— Я? Сэр… — Я набрала воздуха в грудь. — Вы хотите, чтобы я обвиняла саму себя? В преступлении — предполагаемом, конечно, — которое совершу через двадцать четыре года? Или я чего-нибудь не понимаю?

Дакк рассмеялась:

— Так у них принято, детка. Кто еще может знать меня лучше, чем ты?

Я встала.

— Комиссар, я не буду этого делать.

— Садитесь, энсин.

— Я иду к капитану Яне.

— Садитесь. Немедленно.

Столь жесткой интонации мне еще не приходилось слышать. От испуга я села.

— Энсин, вы человек незрелый, неопытный и порывистый. Для выполнения этого приказа вам придется многому научиться. Но выбор вашей кандидатуры определяется необходимостью. Более того… — Я вновь почувствовала человечность в голосе комиссара. — Через четыре месяца вы обратитесь в родильный комплекс Базы 592 и потребуете разрешения на оплодотворение присутствующим здесь энсином Хама Тарко.

Тарко торопливо убрал руку с моей спины.

— Разрешение вам предоставят, — продолжил Варсин. — Я сам позабочусь об этом.

Я не верила своим ушам. А потом возмутилась, ощутив, что оказалась в какой-то ловушке:

— Почему это вы решили, что я захочу рожать ребенка от Тарко?

На лице комиссара появилось раздражение.

— По-вашему, это решаю я? Неужели вы не поняли, в каком положении мы находимся? Так написано в журнале «Факела». Потому что ребенок, которого вы родите, будет…

— Находиться на «Факеле» вместе со мной, — продолжила за него Дакк.

— Его звали Хама, — сказал комиссар. Клянусь, слова эти заставили Тарко побагроветь.

— Звали? — Я ощутила нечто вроде паники. Значит, он погиб, так? Погиб там, в Дымке?

Варсин буркнул:

— Давайте не будем забегать вперед, энсин.

Дакк наклонилась ко мне:

— Да, он погиб. Он пилотировал «Рассвет». Он вывел монопольную[7] бомбу на Сахарную Голову ксилитов. Поняла? Твой сын, Дакк. Наш сын. Он был героем.

«Только не надо забегать вперед», — несколько раз повторила я про себя. Однако кают-компания

начинала кружиться вокруг меня.

2

В яхте Дакк я плыла вдоль огромного борта «Факела». Возле него неподвижно висели медицинские тендеры, закачивавшие какой-то уплотнитель в огромные раны.

«Факелу» разрешили присоединиться к флотилии подобных ему линейных кораблей. Живой корабль величиной с город просто не может быть изящным, однако я заметила в их движении координацию величественного танца. Они даже соприкасались боками — как колоссальные рыбины.

Дакк проговорила:

— Некоторые из этих титанов служат человеку более тысячи лет. Мы отнимаем у них самосознание — и тем не менее какая-то доля его все-таки сохраняется… потребность в утешении среди подобных себе.

Я слушала в полной рассеянности.

Дакк и я. То есть я сама, и еще раз я сама.

Яхта причалила, и нас с капитаном перенесли по трубам на борт «Факела». Я оказалась в какой-то пещере, стенки которой были укреплены жилами похожего на хрящ материала. Минуя от-

верстия, по округлым в поперечнике коридорам мы продвигались в недра сплин-корабля. Освещение уже исправили, бортовую гравитацию тоже. Экипажа Дакк не было видно, нам попадались только ремонтники с Базы.

— Тебе, кажется, еще не приходилось служить на сплине, так? Не забудь, что корабль этот живой. Он теплый. Ночами — то есть во время сна, — когда идешь по кораблю, повсюду спят люди: раздетые, на мешках с продовольствием, на оружии, просто в теплом уголке. Слышно, как пульсирует в его жилах кровь, а иногда даже, как бьется сердце — словно кто-то ударяет в гонг далеко от тебя. Ну, и крысы скребутся.

Уютная подробность, однако не слишком соответствовавшая тому флоту, который я знала.

— Крысы?

Она усмехнулась:

— Эти мелкие прохвосты пролезают повсюду.

Так вот мы и шли. Все вокруг выглядело не столь плохо, как при первом знакомстве с кораблем — посреди тьмы и хаоса. Тем не менее создавалось общее впечатление, что ты находишься в некоем внушительном чреве. И я просто не могла понять, каким образом сумею привыкнуть к подобной обстановке. Однако Дакк явно радовалась своему

возвращению.

Мы пришли в глубокое помещение, которое Дакк называла животом. Оно напоминало ангар, разделенный на отсеки огромными прозрачными переборками, похожими на подернутую жирком мышцу. Внутри отсеков располагались мешки с похожей на воду жидкостью — зеленой и мутной.

Я похлопала по одному из них, слегка колыхнувшемуся под моей рукой. Внутри мешка находились какие-то растения, сновали рыбы, ползали моллюски, общество им составляли несколько автономных роботов.

— Похоже на аквариум, — сказала я.

— Это и есть аквариум. Миниатюрный кусочек океана. Зеленые водоросли не имеют корней, они годятся в пищу едва ли не целиком. Кроме того, в этих емкостях обитают морские моллюски, рыбы-мечехвосты и разнообразные микроорганизмы, составляющие полную и замкнутую экосистему. Так вот мы здесь живем. Животные эти населяют океаны Земли. Тебе не кажется, что это несколько романтично — воевать против сверхнауки ксилитов, полагаясь на капельку воды породившего нас первобытного океана?…

— А как вы поддерживаете численность видов

в этом биоценозе?

— Растения отмирают сами. Моллюски поедают мертвых рыб. А рыбы поддерживают Свою численность, пожирая собственный молодняк.

Наверное, я скривилась.

— Привереда, — одернула она меня. — Пора забыть такие привычки.

И мы продолжили знакомство с чудесами сплин-корабля.

По правде сказать, я просто пыталась включиться. Должно быть, я находилась в своего рода шоке. Люди не приспособлены к временным парадоксам как таковым — и к встречам с самим собой, и к рассказам об участи еще не рожденных детей.

Ну а работа по расследованию обстоятельств будущих событий казалась мне и вовсе невозможной.

Процедура расследования представляла собой прихотливую смесь древних флотских традиций и принятого в Комиссариате судоговорения. Комиссар Варсин был назначен председателем суда, а в качестве обвинителя я представляла собой нечто среднее между прокурором, судебным приставом и судейским клерком. Сам суд, соединявший в себе функции присяжных и су-

дей, состоял из комиссаров и флотских офицеров, среди которых затесалась парочка штатских и даже — для красоты — академик. Я решила, что в основе всего лежит компромисс между Комиссариатом и Флотом.

Однако расследование представляло собой только первый этап. После предъявления обвинений Дакк предстояло предстать перед полным военно-полевым судом, а возможно, и перед судом самой Коалиции. Словом, дело было очень серьезным.

К тому же обвинения, предъявленные мне самой, пусть и в будущем, были обидными: Небрежение, Приведшее к Повреждению Военного Корабля; Прискорбная Неспособность к Выполнению Служебного Долга; Неисполнение Приказа Вышестоящего Командования, Поставившее под Угрозу Цель Кампании Флота; Проявление Индивидуализма, Побудившее Экипаж Военного Корабля Отклониться от Положений Учения…

Свидетельств — уйма. Мы располагали виртуальными реконструкциями, составленными по данным, записанным в бортовых журналах «Факела» и считанным с мнеможидкостей, извлеченных из тел членов экипажа корабля. Дополнял картину безостановочный поток свидетелей, в

основном раненых, являвшихся с «Факела». Им не сообщали, каким образом их показания дополнят общую картину, что волновало многих, однако все они выражали верность капитану Дакк и восхищение ею, хотя, с точки зрения комиссаров, подобное поклонение, скорее, свидетельствовало не в ее пользу.

Но все это имело лишь вспомогательное значение. Чего я не понимала, так это мотива. Я не могла уяснить причин, заставивших Дакк поступить именно так.

Я никак не могла четко представить себе свое будущее «я». Меня шатало от презрения к желанию защитить, и соединявшая нас парадоксальная связь просто угнетала меня. Я ощущала, что и она испытывает примерно те же самые чувства. Иногда она обходилась со мной, как с самым зеленым из новобранцев, в другие мгновения пыталась прибрать под свое крылышко. Ей было неприятно вспоминать, что некогда она была столь незначительной персоной, как я. Однако если мы обе и представляли собой два временных среза одной и той же личности, ситуация выглядела отнюдь не симметричной. Она была мной — когда-то, мне же предстояло стать ею — и раздать уже выплаченные этой особой долги.

Во всяком случае, именно поэтому я попросила освободить меня от совещаний, чтобы провести какое-то время вместе с Дакк на ее собственной территории. Мне нужно было познакомиться с ней — хотя я ощущала все меньше и меньше желания ввязываться в это темное будущее.

Она провела меня в новую камеру. Здесь, посреди хрящевых жгутов высился столб, сложенный из прозрачного красно-фиолетового каната. Ноздри колол запах озона.

Я поняла, где мы находимся.

— Это камера гиперпривода?

— Да. — Она протянула руку и погладила волокна. — Великолепно, не правда ли? Помню, когда я впервые увидела мышцу гиперпривода сплин-корабля…

— Конечно, помнишь.

— Что?

— Потому что это происходит сейчас.

«Однажды, — подумала я уныло, — мне неизбежно предстоит оказаться на той стороне этого помещения, взирая на свое же собственное молодое лицо».

— Разве ты не помнишь этой встречи? Ты была мной, на двадцать лет моложе, и встретила… себя?

Ее ответ смутил меня.

— Все было совсем не так. — Она бросила на меня раздраженный взгляд. — Ты хотя бы понимаешь, каким образом я застряла в прошлом, получив возможность лицезреть твою прыщавую физиономию?

— Нет, — призналась я без особой охоты.

— Я совершила маневр Толмана[8]. — Она посмотрела мне в глаза. — Каждый сверхсветовой корабль является машиной времени. Думай, энсин. Это всего лишь специальная теория относительности! А имя Толман принадлежит скончавшемуся задолго до Искоренения ученому. Все эти сведения преподают детям в первом классе.

Я пожала плечами:

— И дети их в том же возрасте забывают — кроме немногих, мечтающих стать навигаторами.

— И как же ты хочешь стать капитаном — при подобном-то отношении к делу?

— Я не испытываю никакого желания стать капитаном, — неторопливо заметила я.

Она осеклась. Но все же сказала:

— Дело в том, что когда сверхсветовой корабль участвует в бою, всегда происходит проскальзывание времени, и тебе следует заранее считаться

с этим. Например, представь себе, что универсального сейчас не существует. Пусть у нас здесь будет полночь. Мы находимся в световой минуте от Базы. Так сколько же сейчас времени в этой блошиной дыре — в вашей казарме на 592? Представь себе, что ты можешь сфокусировать телескоп на циферблате находящихся там часов?

Я задумалась. Чтобы изображение тех часов со скоростью света достигло меня, понадобилась бы минута. Значит, они показывали бы без одной минуты двенадцать.

— Хорошо, но если мы скомпенсируем время, необходимое для прохождения сигнала со световой скоростью, все-таки можно представить себе некоторое стандартное настоящее… разве не так?

— Только в том случае, если все вокруг неподвижно. Но стоит лишь предположить, что этот скрипучий дряхлый сплин движется на половине скорости света… Даже тебе должно быть известно о замедлении времени. Наши часы замедлят свой ход, если посмотреть на них с базы; мы тоже увидели бы в точности такую картину.

Подумай хорошенько. В космосе может встретиться целая флотилия кораблей, движущихся с различной скоростью, живущих по собственной

временной шкале каждый. Эти шкалы никогда не могут оказаться согласованными. Поняла? В общем, прошлого и будущего не существует. Есть только события — точки на огромном графике, осями которого являются пространство и время. Так и надо представлять все это. События плавают вокруг нас, как рыбы; и чем дальше они, тем более неопределенным становится их положение с твоей точки зрения. Поэтому нигде, ни на Базе, ни на Земле, вообще нигде, нет такого события, которое в точности соответствует твоему сейчас. В действительности таких событий целый спектр — в самых далеких областях.

Подобная неопределенность делает двусмысленной и историю. Конечно, Земля располагает вполне определенной историей, как, например, и База. Но Земля находится примерно в десяти тысячах световых лет отсюда. И сопоставлять конкретные события земной истории с датами по летосчислению Базы просто бессмысленно; они могут различаться на тысячелетия. Можно построить даже такую историю Земли, которая при рассмотрении с Базы будет развиваться в обратном направлении.

Теперь ты понимаешь, насколько усложняет дело сверхсветовой полет? Причинность

определяется скоростью света. События могут быть обусловлены обращенной назад причинной связью только в том случае, если световой луч недолго путешествует между ними. Но в сверхсветовом корабле ты можешь как угодно перемещаться в пространственно-временных координатах. Я совершила сверхсветовой полет в Дымку, и когда оказалась там, с моей новой точки зрения, история здешней Базы сделалась неопределенной в масштабе десятилетий… Когда же я вернулась назад, то просто переместилась к событию, предшествовавшему моему отлету.

Я кивнула:

— Но ведь это получилось случайно. Так? Подобное происходит не всегда.

— Все зависит от геометрии. Мы улепетывали от ксилитов с субсветовой скоростью в направлении Базы, когда включили гиперпривод. Словом, да, это вышло случайно. Однако маневр Толмана можно выполнять и преднамеренно. И при любом действии мы оставим зонды Толмана — записи, журналы, перемещающиеся в прошлое.

Я попыталась внести ясность:

— То есть ты хочешь сказать мне, что посылка информации в прошлое являлась преднамеренным тактическим ходом во время всей этой

войны?

— Конечно. Если существует такая возможность, ею стоит воспользоваться. Разве можно представить себе лучший способ разведки? Флот никогда не пренебрегал им. Война заставляет добиваться превосходства любыми доступными средствами.

— А разве ксилиты не поступают подобным образом?

— Конечно. Но тут весь фокус заключается в том, чтобы помешать им. Взаимопроникновение прошлого и будущего зависит от относительных скоростей. И мы пытаемся организовать события таким образом, чтобы преимущество извлекали мы, а не они. — Дакк хищно оскалилась. — Это соревнование в ясновидении.

Я попыталась сосредоточиться на главном:

— Ладно. Тогда предоставь мне свою весть из будущего. Объясни, каким образом ты сумела пересечь рубеж уничтожения.

Она вновь посмотрела на меня. А потом принялась расхаживать по камере в такт пульсациям немыслимой гиперприводящей мускулатуры сплина.

— Как раз перед тем, как поступил приказ к отступлению, мы получили крупную пробоину.

Знаешь, как себя при этом чувствуешь? Сперва удивляешься тому, что это произошло именно с тобой. Удивляешься, не веришь, сожалеешь, гневаешься. Корабль — твой дом и член твоего экипажа. Кто-то покусился на твой родной кров. Но экипаж занял оборонительные позиции, готовясь выполнить свои обязанности. Паники не было. Да, паники не было.

— И в такой ситуации ты решила нарушить приказ об отступлении.

Она заглянула мне в глаза.

— Мне пришлось принимать решение мгновенно. Мы прошли за рубеж уничтожения и углубились в центр концентрации ксилитов, истекая кровью от дюжины ран и с пылающими звездоломами. Понимаешь, только так и удается бороться с ними. Ксилиты сильнее нас. Но мы кипели яростью. Они видят в нас червей, и мы боролись доступными червям методами.

— Ты выпустила «Рассвет».

— Его пилотировал Хама.

Мой не рожденный, даже не зачатый ребенок.

— Он вел начиненную монополями торпеду — одну из последних новинок. Сахарная Голова ксилитов представляет собой крепость в виде куба со стороной в несколько тысяч километров

— целую планету, только наделенную вершинами и гранями. И мы проломили в ее стене дыру, словно проткнули бумагу.

— Но вы получали пробоину за пробоиной.

— Нам пришлось эвакуировать внешние палубы. — Лицо ее напряглось. — Некоторые спаслись в капсулах. Погибло несколько сотен… Ты знаешь, почему торпеда получила имя «Рассвет»? Потому что рассвет возможен только на планете. Ксилиты обитают в космосе. Они не отличают день от ночи. И любой восход принадлежит нам, а не им. Подходящее название, правда? Видела бы ты, что бывает, когда пилот «Рассвета» поднимается на борт.

— Как Хама.

— Когда яхта выходит из порта, провожать ее увязывается целая флотилия, гражданские корабли и военные. Когда поднимается на борт пилот, в коридоры выходит весь экипаж, слышно только одно имя. — Она улыбнулась. — Твое сердце разорвалось бы от гордости, если бы ты видела его.

Я попыталась привести мысли в порядок:

— Ты хочешь сказать, что пилотам поклоняются.

— О, Лета, вот уж не думала, что ты такая ханжа. Деточка, на войне не до соблюдения всех тонко-

стей учения. К тому же разве не представляет собой пилот «Рассвета» пример высшего служения идеалам Экспансии? Вспомни: короткая жизнь светит ярче, и пилот «Рассвета» воплощает этот принцип в жизнь самым наглядным образом.

— А ты, — спросила я осторожно, — героиня своего экипажа?

Она нахмурилась. Лицо Дакк было исчерчено морщинами, которые годы врезали в мою собственную плоть.

— Понимаю, о чем ты думаешь. Я слишком стара, и мне стыдно цепляться за жизнь. Послушай меня. Через десять лет после нашей встречи тебе придется принять участие в битве возле нейтронной звезды… звезды Кеплера. Тогда ты все поймешь. И твой экипаж будет уважать тебя именно поэтому, хотя тебе не повезет — тебе не удастся умереть. Что касается рубежа уничтожения, я нисколько не сожалею об этом. Черт возьми, мы все-таки нанесли удар. Я имею в виду надежду. Этого комиссары не понимают… Надежду и веру в человеческом сердце. Ради них я и пошла на это… — Пыл ее поубавился. — Но теперь ничто не имеет значения. Теперь я оказалась за другим рубежом уничтожения, так ведь? Но

только проведенной во времени, в прошлом, где меня предают суду.

— Меня вынудили стать твоим обвинителем.

— А по-моему, тебе это дело по душе.

Я не знала, что сказать. Я находилась в полном смятении. Я и любила ее, и ненавидела одновременно. Должно быть, и Дакк испытывала ко мне подобные чувства. Однако мы понимали, насколько тесно связаны.

Наверное, невозможно поладить с самим собой — будущим или прошлым. В конце концов, эволюция не предназначала нас для этого.

В молчании мы добрались до кают-компании Дакк. Там нас дожидался Тарко.

— Уродина, — приветствовал он меня официальным тоном.

— Бегемот, — ответила я.

И мы поглядели друг на друга с недоумением и испугом. Мы еще не оказывались вместе, после того как узнали, что нам предстоит родить ребенка. А капитан Дакк сидела между нами, как воплощение судьбы.

Учение Друза не запрещает любви. Но дело не в этом. Там, на границе, где смерть подстерегала покинувших родной дом людей, я узнавала вещи, куда более сложные, чем предполагали мое

образование и подготовка.

Я спросила:

— Что ты здесь делаешь?

— Ты послала за мной. В своей будущей, более толковой и симпатичной ипостаси.

Капитан сухим тоном проговорила:

— Предполагаю, что вам есть о чем поговорить. Однако, увы, времени у нас немного.

Тарко повернулся к ней:

— Тогда приступим к делу. Зачем я вам понадобился?

Дакк ответила:

— Флотская разведка анализирует доставленные «Факелом» записи. Ее сотрудники начали вступать в контакт с теми, кто будет служить на, корабле… или с их семьями и родителями, если они еще дети или не рождены… чтобы информировать о будущем назначении. Этого требует политика.

Тарко напрягся:

— И это относится ко мне?

Дакк не давала прямого ответа:

— Существуют и другие обязанности. Когда корабль возвращается с поля боя, капитан или старший из уцелевших в бою офицеров посылает письма с соболезнованиями семьям и родствен-

никам погибших или посещает их.

Тарко кивнул:

— Мне приводилось сопутствовать капитану Яне в серии подобных визитов.

Я осторожно заметила:

— Однако в нашем случае сражение еще не произошло. Те, кому суждено погибнуть, еще не приписаны к кораблю. Некоторые даже не появились на свет.

— Да, — негромко заметила Дакк. — Однако письма я обязана написать.

Это показалось мне непостижимым.

— Но зачем? Ведь никто еще не погиб.

— Но мы-то об этом знаем. Что же, лучше солгать или умолчать?

— И как же они реагируют?

— А как ты думаешь?… Энсин Тарко, что вы видели во время обхода вместе с Яной?

Тарко пожал плечами:

— Некоторые впадали в уныние. Другие плакали. Третьи сердились, даже выставляли нас из своего дома. Четвертые говорили, что таким вещам верить нельзя… Но всем хотелось иметь побольше информации. Как это случилось, чего ради. Каждому хотелось услышать, что погибшие отдали свои жизни за стоящее дело.

Дакк кивнула:

— Приходится встречаться со всеми этими реакциями. Некоторые не вскрывают писем. Они помещают их во временные капсулы, словно бы стараясь придать истории должный вид.

Она пристально посмотрела на меня.

— Это война путешественников во времени, энсин. Такой войны человечеству еще вести не приходилось. И мы подгоняем собственные обычаи — даже гуманизм — к обстоятельствам. Но ты привыкнешь.

Тарко с напряжением в голосе проговорил:

— Капитан, прошу вас… а как же насчет меня?

— Я подумала, что ты захочешь услышать это от своего капитана.

Дакк с серьезным видом передала мне диск с данными.

Я проглядела его. И, не имея сил что-либо сказать, передала диск Тарко.

Он торопливо просмотрел данные.

— Ну вот, уродина, — выдохнул он. — Ты назначила меня своим старпомом. Уж и не знаю, как это могло случиться. Наверное, год выдался плохим на старпомов.

Мне не хотелось смеяться:

— Читай до конца.

— Я знаю, что там написано. — На его широком лице появилось облегчение.

— Ты ничего не понял. Тебя ждет смерть, там, в Дымке.

Он широко улыбнулся:

— Я ждал этого известия с того самого мгновения, когда «Факел» появился в порту. А ты?

Рот мой по-рыбьи безмолвно открылся и закрылся.

— Можешь назвать меня лишенной воображения, — проговорила я. — Но как ты можешь принять такое назначение, зная, что оно закончится твоей смертью?

Он удивился:

— А что еще я могу, сделать?

— Да, — проговорила капитан. — Разве ты не понимаешь, насколько это благородно, Дакк? Разве не справедливо, чтобы он заранее знал собственную судьбу и тем не менее исполнил свой долг?

Тарко взял меня за руку.

— Не надо. Это произойдет через много лет. Мы еще увидим, как вырастет наш ребенок.

Я разозлилась:

— Итак, начинается любовный роман.

— Да…

В воздухе соткалась виртуальная голова комиссара Варсина. Без всяких преамбул он проговорил:

— Изменение в планах. Энсин, становится ясно, что имеющихся свидетельств будет недостаточно для обоснования обвинений. Особенно трудно утверждать, что действия Дакк отрицательно повлияли на достижения целей всей войны. Чтобы установить это, нам придется обратиться в библиотеку штаб-квартиры Комиссариата.

По зрелом размышлении я произнесла:

— Сэр, она находится на Земле.

Лишенная тела голова рявкнула:

— Мне это известно.

Я не имела ни малейшего представления о том, каким образом комиссары, зарывшиеся в книги на Земле, в десяти тысячах световых лет от линии фронта, могут помочь при рассмотрении дела. Однако комиссар Варсин дал мне необходимые пояснения, и я узнала об этой системе, посылающей самой себе приветы из будущего. Окопавшийся на Земле Комиссариат Исторической Правды картографировал будущее — на пятнадцать тысяч лет.

— Отлично, — сказала я. — Значит, все вполне объяснимо.

Моя будущая ипостась пробормотала:

— Я же говорила, к этому привыкаешь.

Варсин чуть смягчился.

— Толкуй это как шанс. Каждый землянин эпохи Экспансии должен при жизни увидеть свой родной мир.

— Полетим вместе со мной на Землю, — порывисто предложила я Тарко.

— Ну ладно…

Дакк опустила руки на наши плечи.

— О, Лета, разве это не величественное предприятие!

Я ненавидела ее; я любила ее; я хотела, чтобы она убралась из моей жизни.

3

Странная, на мой взгляд, собралась компания: двое соединенных звездами любовников, члены суда, флотские адвокаты, строевые офицеры, комиссары и прочая братия. Не говоря уже о моей версии из будущего.

На всем пути от Базы 592 атмосфера была напряженной. Отправить нас на Землю было в интересах Варсина. Флот не намеревался без борьбы отдавать своего капитана в лапы Комиссариата Исторической Правды, и сам факт переноса суда на Землю вызвал продолжительные споры. В итоге с нами отправилась бригада флотских адвокатов.

Но в данный момент все различия между нами, все политические и эмоциональные хитросплетения были забыты; собравшись возле смотрового окна, мы разглядывали место нашего назначения — Землю!

Она вполне могла показаться совершенно ничем не примечательной планетой: еще один скалистый шар, обращающийся вокруг незаметной звезды, притаившейся в уголке разорванного

Спирального рукава. Однако Землю окружали несколько оболочек из разведывательных станций «Снежинка», занимавших все пространство до покрытой кратерами Луны, а в волнах колоссального океана, простиравшегося почти на половину поверхности планеты, резвились косяки сплинов. Странно было думать, что где-то под нами плавает сейчас другой «Факел», младшая версия потрепанного в бою старого корабля, на наших глазах прихромавшего в порт. Однако сама мысль об этом приводила в восторг. Этот крохотный мирок сделался столицей Третьей Экспансии, империи, занимавшей все видимые отсюда звезды и уходившей еще дальше в глубины Галактики. Перед нами находился истинный дом всякого человека, которому еще суждено жить на свете.

Наш флиттер погрузился в атмосферу, которая закутала его в бледно-розовую плазму. Тарко взял меня за руку.

Во всяком случае, у нас появилось время побыть вместе, поговорить. Мы даже занимались любовью — авансом. Однако это ничем не могло улучшить наше положение. Слишком многим людям было известно наше будущее, и право его выбора нам не принадлежало. Я казалась себе

крысой в лабиринте. Разве у нее может найтись повод для радости?

Однако меня не оставляла надежда на то, что в Комиссариате нам скажут еще кое-что. Не может быть лучшей разведки, чем знание будущего — способность предсказать исход еще не назначенной битвы, или наметить поворотные точки еще не объявленной войны… Какой толк в подобной разведке, если будущее неизменно, если мы вынуждены вести заранее запрограммированные жизни?

Но, конечно, меня волновала не война и не судьба человечества. Я просто хотела знать, действительно ли обречена сделаться капитаном Дакк — израненной, разочарованной, высокомерной и далеко не правоверной особой — или же я все-таки по-прежнему свободна.

Флиттер летел над континентом. Земля внизу была тесно заселена, различались обширные укрепленные районы, которые должны были стать последним рубежом обороны родного мира — если до этого дойдет дело. Наконец начался спуск к Конурбации. На широком просторе внизу поблескивали выдутые из скального основания пузыри жилищ, соединенных каналами. Однако шрамы, оставшиеся после оккупации кваксов,

закончившейся пятнадцать тысячелетий назад, еще были заметны. На месте равнин и гор простирались силикатные пустыни, оставленные лучами звездоломов и нанорепликаторов.

Комиссар проговорил:

— Эту Конурбацию построили кваксы. Ее до сих пор называют данным ими регистрационным номером — 11 729. Она скорее напоминает трудовой лагерь усиленного режима или питомник для разведения людей, чем человеческий город. Сейчас в 11 729-й размещается штаб-квартира Комиссариата. Здесь Кама Друз разработал Учение, которое и направляло с тех пор всю судьбу человечества. Мы решили оставить сделанное кваксами без изменений. Чтобы все видели, какая судьба ожидает нас, если человечество дрогнет или встретится с неудачей…

Ну, и так далее. На узком лице глаза горели праведным гневом. Было даже чуточку страшно.

Нас доставили в комплекс, находившийся в самом центре Конурбации. Он мог похвастать только грубой архитектурой кваксов, однако пузыри жилищ были соединены и углублены в землю, образуя помещение, на мой взгляд, границ не имевшее.

Варсин объявил, что мы находимся в Библиоте-

ке Будущего. Некогда Библиотека представляла собой отдельную организацию, пояснил он, однако три тысячи лет назад Комиссариат взял на себя управление ею. Очевидно, память об этой эпической войне передавалась среди бюрократов из поколения в поколение.

Нас с Тарко поселили раздельно. Моя комната казалась огромной, она занимала несколько уровней, в ней было все — камбуз и даже бар. Судя по выражению лица капитана Дакк, нетрудно было понять, что она думает о подобной расточительности.

Кроме того, было странно оказаться в таком месте, где «день» продолжался один стандартный день, а «год» — настоящий год. В пределах Экспансии все даты устанавливаются по земному календарю — а как же иначе, что еще можно придумать? Например, на Базе 592 день продолжался более двух сотен стандартных дней — больше года, который составлял половину стандартного.

Впрочем, в баре оказалось достаточное количество Крови Пухля.

Расследование должно было возобновиться на второй день нашего пребывания на Земле. Однако Варсин сказал, что хотел бы ознакомить нас — меня, капитана Дакк и Тарко — с находка-

ми Комиссариата, прежде чем обнародовать их перед судом.

Итак, в этот критический день мы трое явились в помещение, которое Варсин именовал Картографическим Залом.

Он напоминал огромный улей, от колоссального центрального атриума отходило множество альковов и каморок. Повсюду на нескольких уровнях расхаживали бритоголовые фигуры в длинных одеяниях, в одиночестве или группами, окруженные прозрачным облачком виртуалов.

И мы, три простых космоплавателя, показались себе ничтожными и заскорузлыми.

Варсин находился в самом центре атриума. Увидев нашу троицу, он приветливо улыбнулся и при этом театрально помахал нам рукой.

Перед нами, подобно страницам колоссальной книги, начали открываться виртуальные диорамы. Осознав, что именно предстает передо мной, я ощутила, как по коже побежали мурашки. Передо мной разворачивался каталог судеб всего человечества.

В первые несколько мгновений я видела огромные флотилии, отправляющиеся на битву или — искалеченные — возвращающиеся обратно; я видела миры, блистающие, как драгоценные

камни, свидетельства мощи и процветания человечества… или опустошенные и безжизненные, покрытые шрамами, как земная Луна.

Но, что хуже всего — там были голоса. Триумфальные вопли, мольбы о помощи.

Варсин проговорил:

— Здесь работает полмиллиона человек. Интерпретация в значительной части автоматизирована… однако ничто не способно заменить человеческий глаз, человеческий ум, человеческое суждение. Конечно, вы понимаете, что чем дальше вы находитесь от места, тем больше неопределенности проявляет его временная траектория в сравнении с вашей собственной. Поэтому лучше всего видны в будущем наиболее отдаленные события…

— То есть война, — проговорил Тарко.

— О, да. Насколько мы можем судить, вниз по течению — в каком направлении ни смотри — повсюду видна война.

Я уцепилась за это «в каком направлении ни смотри»…

— Комиссар, значит, вы здесь не только размечаете карту событий?

— Нет. Конечно, нет.

— Так я и знала, — проговорила я полным

блаженства тоном, и все посмотрели на меня круглыми глазами. Однако перспектива приводила меня в восторг. — Вы способны изменять будущее. Значит, если вы видите, что битва будет проиграна, то можете не жертвовать флотом. Вы можете спасти тысячи жизней одним простым решением.

— Или вы можете предвидеть наступление ксилитов, — взволнованно проговорил Тарко. — Как на SS 433. И вы расставляете корабли на позиции… это была идеальная засада…

— Не забывай, что ксилиты имеют в точности такие же возможности, — проговорила Дакк.

— Я не подумал об этом.

— Итак, если бы они предвидели SS 433, то могли бы не посылать туда корабли.

— Да, — согласился Варсин. — Если бы разум обеих сторон действовал безупречно, никакие победы и поражения просто не были бы возможны. Продвижение вперед становится возможным только благодаря тому, что знание будущего несовершенно, поэтому ксилиты и не предвидели засады у SS 433.

Тарко спросил:

— Сэр, а что было с самого начала? Чем закончилось сражение у SS 433 до того, как обе стороны

начали вмешиваться в будущее?

— Ну, этого мы не знаем, энсин. Возможно, сражения не было вовсе, а может, та или другая сторона заметила стратегическую брешь, которую можно было заполнить. Однако подобные размышления бесполезны. Следует видеть в будущем лишь грубый набросок, в который мы — и ксилиты — постоянно вносим изменения, придаем форму, оттачиваем до мельчайших подробностей. Как если бы мы вырабатывали историю будущего, приемлемую для обеих рас.

Но я все время старалась постичь основы.

— Сэр, а как же быть с временными парадоксами?

— О, Лета… — пробормотала Дакк.

— Я хочу сказать… — я указала на диорамы. — Предположим, вы ставите маяк с датой битвы. Но потом решаете изменить будущее, и битва не происходит… Что случается тогда с маяком? Он исчезает из бытия? А вам остается описание не произошедшего сражения? Откуда берется информация о нем?

Тарко поторопился с ответом:

— Возможно, таким образом создаются параллельные вселенные. В одной битва происходит, в другой нет. Маяк просто перемещается из одной

вселенной в другую…

Лицо Дакк исказила досада.

Варсин взмахнул рукой.

— Нет, здесь не занимаются подобного рода метафизикой. Дело в том, что космос, как оказалось, обладает известного рода здравым смыслом. Если ты вызываешь временной парадокс, никакого волшебства не происходит. Всего лишь образуется никем не созданная аномальная информация или не имеющая аналогов система. Конечно, такие факты способны смутить человека, но производимое ими воздействие так незначительно рядом с существованием параллельных вселенных или объектов, вдруг возникающих или исчезающих. Нас беспокоит другое — последствия подобного знания.

— Последствия?

— Например, утечка информации из будущего в прошлое оказывает воздействие на эволюцию человечества. Новые изобретения передаются назад. Мы становимся статичными. Неподвижными — в крупном временном масштабе. Конечно, это помогает вести войну в столь колоссальном объеме пространства и времени. К тому же если обратиться к войне, многие сражения имеют ничейный результат благодаря предвидению с

обеих сторон. Возможно, мы просто продлеваем войну. — Лицо его окаменело. — На мой взгляд, работая здесь, человек невольно становится осторожным. Консервативным. Чем глубже ты заглядываешь вниз по течению, тем более обширными делаются последствия. Одним движением руки в этом зале я могу обречь на забвение — а скорее всего, вычеркнуть из существования — триллионы душ.

Я не успокаивалась:

— Мы говорим о знании будущего, а выходит, все, чего мы добиваемся — это пат за патом?

Конечно же, подобные утверждения в устах невежественного энсина не доставляли Варсину никакого удовольствия. Он отрезал:

— До сих пор еще никому не приходилось вести войну подобным образом! Но пока мы, как мне кажется, справляемся с делом, правда? И по-моему, достаточно хорошо. И запомните еще вот что. Знание будущего не отменяет некоторых фундаментальных основ войны. Ксилиты старше нас. Они могущественнее, более развиты технологически. Логически рассуждая, при их ресурсах они должны победить нас вне зависимости от того, что мы будем делать. Мы не способны обеспечить победу любым предпринятым здесь действием

— это ясно. Но мы подозреваем, что если примем здесь неправильное решение, то потерпим поражение наверняка. Можно надеяться только на то, что мы сохраним за собой возможность победы. И мы считаем, что без Картографирования человечество уже проиграло бы войну.

Я не была в этом убеждена:

— Вы можете изменить историю. Однако посылаете Тарко в сражение, зная, что он не вернется. Почему?

Варсин попытался сдержать раздражение: — Вы должны понять происходящий здесь процесс. Мы стараемся выиграть войну, а не одну битву. Мы пытаемся увидеть за каждым отдельным событием цепь рождаемых им последствий. Вот почему мы иногда посылаем корабли на заведомо проигранную битву… вот почему посылаем воинов на верную смерть, зная, что не добьемся этим даже малого преимущества… вот почему иногда позволяем победе превратиться в поражение, если долгосрочные последствия победы невыгодны для нас. И в этом состоит суть выдвинутых против вас обвинений, капитан.

Дакк отрезала:

— Давайте держаться ближе к делу, комиссар.

Варсин снова взмахнул рукой.

Перед изображениями возникла мерцающая виртуальная диаграмма в виде похожей на луковицу прозрачной сферы, образованной многими слоями. Внешние слои были зеленого цвета, по мере продвижения внутрь они желтели, в центре располагалась ослепительно белая звезда. Внутри сферы проплывали туманные силуэты. Она бросала зеленый свет на наши лица.

— Красиво, — сказала я.

— Это монополь, — пояснила Дакк. — Схематическое изображение.

— Боеголовка торпеды «Рассвет».

— Да.

Варсин вступил внутрь диаграммы и начал указывать на ее отдельные детали.

— Вся эта структура имеет размер атомного ядра. Внешняя оболочка образована W и Z бозонами. Глубже существует область, в которой происходит объединение слабых ядерных и электромагнитных сил, а сильные ядерные взаимодействия вырождаются. Здесь, в центральной области… — он обхватил рукой крохотную звездочку, — достигается великое объединение…

Я заговорила:

— Сэр, а каким образом эту штуковину можно воткнуть в задницу ксилитам?

Дакк обожгла меня взглядом:

— Энсин, монополь представляет собой основу оружия, соответствующего физическим характеристикам ксилитов. Вам известно, что вакуум обладает структурой. И у этой структуры есть дефекты. Ксилиты пользуются двумерными дефектами — «полотнами» — в качестве источника питания ночных истребителей. Однако можно получить одномерные дефекты — «волокна», и дефекты, не имеющие пространственной размерности.

— Монополи, — догадалась я.

— Наконец-то.

— И поскольку ксилиты используют дефекты пространства-времени в качестве привода своих кораблей…

— Самый надежный способ борьбы — другой пространственно-временной дефект. — Дакк ударила себя кулаком по ладони. — Вот так мы и проделали дыру в этой Сахарной Голове.

— Но ужасной ценой. — Варсин выключил монополь. Теперь перед нами предстала своего рода тактическая карта. Мы увидели плоскую проекцию центральных регионов Галактики — компактный завиток Спирального Рукава, плотно обволакивавший ядро. Синие огоньки

показывали расположение передовых баз человечества — таких, как База 592, — окружающих концентрацию ксилитов в ядре.

И мы увидели сражения, свирепствовавшие по всему Рукаву; волна за волной синие огоньки человеческих кораблей продвигались к ядру, разбиваясь о прочные оборонительные периметры ксилитов.

— Это следующая фаза войны, — проговорил Варсин. — В большинстве вариантов будущего это наступление начинается через столетие. В конце концов мы сумеем проникнуть сквозь оборону ксилитов к ядру… или, во всяком случае, мы сумеем создать варианты, допускающие подобный исход. Однако стоимость большинства сценариев колоссальна.

Дакк проговорила:

— И все это благодаря одной пущенной мною торпеде.

— Благодаря той информации, которой вы наделили противника. Вы впервые использовали монопольное оружие. После вашего сражения ксилиты узнали, что мы им обладаем. Проигнорированный вами приказ об отступлении основывался на принятом в более высоких инстанциях решении не пользоваться им в сражении в Дым-

ке, приберечь на будущее. Прорвавшись сквозь рубеж уничтожения, вы отменили решение старших по рангу.

— Я не могла предполагать о существовании подобного решения.

— Мы считаем, что вам вполне хватало способностей догадаться о нем. Ваша ошибка вызовет великие страдания, излишние смерти. Ваше суждение оказалось ошибочным.

Так оно и было. Изображение Галактики рассыпалось на отдельные пиксели. Тарко рядом со мной напрягся, Дакк притихла.

Варсин обратился ко мне:

— Энсин, я понимаю, что вам тяжело это слышать. Но теперь вы, может быть, поймете, почему вас назначили обвинителем.

— Я поняла это, сэр.

— И вы исполните мои рекомендации?

Я задумалась. Как поступила бы я в пылу боя на месте Дакк? Что говорить — точно так же, и этого нельзя было допустить. Конечно, я соглашусь с заключением Комиссариата. Что еще мне оставалось делать? Этого требовал мой долг. Нам еще предстояло выполнить все формальности расследования, однако за ними должен был последовать военно-полевой суд и неизбежный приговор.

Вы скажете, что во мне уже не оставалось места для удивления, но последующие слова Варсина меня поразили.

Став между нами обеими — мной будущей и мной настоящей, — Варсин произнес:

— Мы будем настаивать на суровых санкциях.

— Конечно, сэр…

— Против вас, энсин. Простите.

Я узнала, что меня не выставят из Флота. Однако в мое личное дело занесут строгий выговор, что не позволит мне дослужиться до капитана, да и вообще занимать серьезные посты.

Более того, на любое прошение о ребенке от Тарко мне будет дан отказ.

Примириться надо было со многим, причем сразу. Однако я начинала усматривать логику в изложении Варсина. Переменить будущее можно только воздействием на настоящее. В жизни Дакк что-либо менять поздно; ей оставалось влачить тяжесть собственного проступка до конца своих дней. Но ради общей победы следовало принести в жертву мою жизнь.

Я поглядела на Тарко. Лицо его оставалось бесстрастным. Нас ничто не соединяло, даже этот ребенок, и тем не менее у нас отобрали все, сделав любое будущее таким же нереальным, как и

внесенные в каталоги Варсина события.

— Вот тебе и любовная история, — проговорила я.

— Да. Жаль, уродинка.

— Да. — Думаю, оба мы тогда поняли, что нас больше ничто не удерживает вместе. Мы ведь даже ничего толком не оговорили.

Тарко повернулся к Варсину:

— Сэр… я должен спросить…

— В вашей судьбе значительных изменений не предусмотрено, энсин, — негромко проговорил Варсин. — Вы будете старпомом на «Факеле». Из вас выйдет толковый офицер.

— И все-таки не вернусь из Дымки.

— Нет. Простите.

— Не за что, сэр. — В голосе Тарко прозвучало облегчение. Не знаю, понравилось мне это или нет.

Дакк смотрела прямо перед собой:

— Сэр. Не надо этого делать. Не уничтожайте славу.

— У меня нет другого выхода.

Дакк пожевала губами. А потом проговорила пронзительным тоном:

— Вы, долбаные комиссары, сидите в этих позолоченных гнездах. Вы вершите наши судьбы,

как божки. Неужели вы никогда не сомневались в собственной правоте?

— Сомневаемся, капитан. Ежеминутно, — с печалью в голосе произнес Варсин.

Последовало полное напряжения мгновение. А потом из Дакк словно бы что-то ушло.

— Ну что ж, по всей видимости, я миновала еще один рубеж уничтожения. Вся моя жизнь объявлена несуществовавшей. И я даже лишена права избавиться от нее.

Варсин опустил ладонь на ее плечо:

— Мы позаботимся о вас. К тому же вы не одиноки. Среди нас живут многие осколки несостоявшихся вариантов будущего. И некоторые из них пребывают ниже вас по течению времени. И многие могут рассказать весьма интересную повесть…

— Однако, — проговорила Дакк напряженно, — с моей карьерой все.

— Да.

Я повернулась к Дакк:

— Итак, все кончено.

— Только не для нас с тобой, — проговорила она с горечью. — Для нас с тобой ничто и никогда не кончится.

— Почему ты сделала это?

Она криво усмехнулась:

— Ты хочешь знать, почему ты могла бы поступить подобным образом? Потому что это стоило сделать, энсин. Потому что мы нанесли удар ксилитам. Потому что Хама — наш сын — отдал свою жизнь самым лучшим из всех возможных способов.

Наконец-то я поняла ее.

В конце концов, она — это я сама. С тех пор как я выросла, мне все время вдалбливали, что достичь старости не столь уж почетно… и чувство это в какой-то мере сохранилось в Дакк. Ей не нравилось быть живой легендой.

И она позволила Хама, нашему погибшему сыну, выполнить ее собственную мечту. Даже нарушив при этом приказ. Даже вопреки интересам всего человечества. И теперь она завидовала славному самоубийству юноши.

По-моему, Дакк хотела еще что-то сказать, но я отвернулась. Я понимала, что ничем не могу помочь ей; утешать себя саму доводится далеко не каждый день.

Но как бы то ни было, я ощутила душевный подъем. Невзирая на наказание за преступление, которого я никогда не совершала, невзирая на поломанную карьеру, невзирая на утрату ребенка,

которого я никогда не узнаю, невзирая на возможные отношения, которые могли сложиться у меня с Тарко. Откровенно говоря, я была рада тому, что не превращусь в нервную эгоманку, находившуюся передо мной.

Было ли это жестоко? Я понимала, что Дакк утратила свою жизнь, воспоминания и достижения, — все, что было для нее важно, все, что делало ее собой. Я ощущала лишь это. И ничего не могла поделать. В конце концов, мне не придется вновь переживать эту сцену, стоя на противоположной стороне комнаты, глядя на свое собственное лицо.

Я навсегда останусь связанной с Дакк, связанной узами вины и ответственности, куда более сильными, чем те, что соединяют ребенка с родителем. Но я была свободна.

Тарко обратился к комиссару с вопросом:

— Сэр… а мы победим?

Сохраняя бесстрастное выражение лица, Варсин хлопнул в ладоши, и изображения над нашими головами переменились.

Как будто изменился масштаб.

Я увидела флоты, где кораблей было больше, чем звезд. Я увидела, как сгорали планеты, как вспыхивали и умирали звезды. Я увидела Га-

лактику, превратившуюся в россыпь красных звезд, похожих на тлеющие угольки. Я увидела людей — но не похожих на все, что я слыхала о них: людей, обитающих на одиноких аванпостах посреди межгалактической пустоты, людей, проникающих в недра звезд, людей, чье абстрактное окружение ничего не могло сказать мне. Я увидела летящих в пространстве нагих людей — светящихся, словно боги.

А потом увидела людей погибающих… великими волнами… несчетными множествами.

Варсин проговорил:

— Мы предполагаем, что в ближайшие несколько тысячелетий нас ждет суровейший кризис. Жестокая борьба за центр Галактики. Многие из вариантов будущего сводятся к этому. Далее все становится неопределенным. Чем дальше по течению, тем более туманными становятся видения, тем более странными — действующие в них лица, даже сами люди… Существуют тропы, которые ведут нас к славному будущему, потрясающему будущему победоносного человечества. Есть и такие, что ведут к его поражению — даже уничтожению, полному истощению всех возможностей.

Дакк, Тарко и я обменялись взглядами. Наши

судьбы образовывали сложное переплетение. Однако, клянусь, в тот миг все мы дружно почувствовали радость от того, что являемся простыми служаками, что нам не надо иметь дело вот с этим.

Все было почти закончено. Встреча состоялась, наступало время официального суда.

Однако меня еще кое-что смущало.

— Комиссар…

— Да, энсин?

— Есть ли у нас свободная воля?

Капитан Дакк скривилась:

— О нет, энсин. Только не у нас. У нас есть долг.

И мы вышли из Картографического Зала, где за нашими спинами мотыльками порхали варианты будущего, которым не было суждено воплотиться в жизнь.